УДК 811.111

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-20-27

КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТЬ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ FAKE: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Т. И. Семенова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Проведено исследование атрибутивно-номинативных сочетаний типа fake gun как комплексных знаков, значение которых не выводится из значения компонентов. Исследование закономерностей взаимодействия смыслов словосочетаний проводится в рамках теории концептуальной интеграции. Результатом концептуальной интеграции словосочетаний с прилагательным fake является эмерджентная структура (emergent structure) как концептуальный бленд. Когнитивная структура атрибутивных комплексов с прилагательным fake содержит представление об изготовлении и (или) использовании поддельного артефакта как средства обманного действия с корыстной целью. Анализ эмпирического материала показывает, что сочетаемостный потенциал прилагательного fake обусловлен не ингерентными свойствами определяемой сущности как таковыми, а ее ролью, значимостью, ценностью в культурном контексте.

Ключевые слова: композициональность, значение прилагательного, лексическая семантика, эмерджентная структура, бленд, ментальные пространства, когнитивная область, составной концепт.

В любом образе мира противопоставляются явление и сущность, наблюдаемое и ненаблюдаемое, зримое и умозрительное (умопостигаемое), ненастоящее и настоящее: призрачное (мнимое, иллюзорное, кажущееся, мираж, фикция, видимость, псевдо) и подлинное (истинное) [1, с. 547]. Знание о мнимых, обманных действиях и результатах такого рода действий вербализовано в английском языке прилагательными, категоризирующими свойства предметных, ментальных объектов, ситуаций как ненастоящие, недостоверные, несоответствующие действительности, ср.: artificial (leg), fraudulent (jewelry), false (teeth, opinions), fake (antique, diamonds, banknotes), imitation (uniform), pretend (smile), phoney (address, accent), counterfeit (goods). Вышеназванные прилагательные являются вторичными истинностными оценками, метакarakterистиками, по своему типу они относятся к ментальному (эпистемическому) модусу отрицательной истинностной оценки [1, с. 574–575].

Наличие репрезентативной группы синонимов с семантикой ложности обусловлено тем, что каждый из них задает определенный способ осмысления ложных объектов, неискренних ситуаций, обманных действий, поскольку при любой концептуализации одни аспекты акцентируются, актуализируются, другие затушевываются, уходят в фон. Как свидетельствует языковой материал, актуализация релевантных когнитивных признаков в языковом представлении обманного мира реализуется не только разными языковыми единицами, но и разными значениями языковой единицы, а именно значениями прилагательного fake в сочетании с сущностными разными семантическими классами.

Дискурсивное употребление прилагательного fake свидетельствует о приложимости истинностной оценки 'несоответствующий действительности' к предметным и не предметным сущностям разных когнитивных областей, среди которых: оружие (fake gun/bomb), престижное потребление (fake antique/diamonds/cartier watches), здоровье (fake drugs), документы (fake passport), наука (fake research results), поведение (fake joy/smile), медиареальность (fake news), декоративная область (fake flowers/Christmas trees). Семантическая экстенсия прилагательного fake наводит на мысль о взаимодействии на когнитивном уровне языковых единиц, входящих в словосочетание, о предсказуемости значения словосочетания как комплексного знака.

В целях выявления лингвокогнитивных особенностей сочетаемости прилагательного fake в разных когнитивных контекстах обратимся к выявленному на лексикографическом уровне когнитивным признакам: 1) признак 'несоответствие действительности' закреплен дефинициями not real, not true, untrue, not genuine; 2) 'обманная цель' эксплицируется дефиницией in order to deceive; 3) признак 'намеренность' представлен дефиницией with intention, so as to, in order that; 4) 'каузация ложного мнения' вербализуется дефиницией make someone believe; 5) признак 'внешнее сходство как результат имитации внешних признаков подлинного объекта' актуализируется дефинициями made to look like a real thing; that seems genuine but is not; 6) 'нарушение закона' дефинируется как illegally made to look like a real one [2, 3]. Из дефиниций становится ясно, что когнитивным основанием семантики fake

является отрицательная истинностная оценка денотата и представление о сходстве подлинного денотата и созданного с обманной целью артефакта. Концептуальная структура прилагательного *fake* организуется базовым концептом *deception*.

Этимологические свидетельства о когнитивных предпосылках обманного действия зафиксированы во внутренней форме слова, которая восходит к глагольному этимону. Глагол *fake* первоначально обозначал криминальное действие, например, *to fake any person* могло обозначать *rob, shoot, wound, murder* (огрбить, застрелить, убить, нанести увечье). Со временем за глаголом *fake* закрепилось значение намеренного действия, направленного во вред другому, – ‘действие с целью обмана’ (*do up, make so as to deceive*). Адъективация лексемы *fake* зафиксирована с начала XIX в. в словосочетаниях для выражения оценки объекта или ситуации как несоответствующей действительности [4].

Семантика прилагательного *fake*, как убедительно показывает Дж. Лакофф, представляет проблемы для классической теории категоризации. Так, в предложении *This is a black gun* атрибут *black* (черный) номинирует дополнительные перцептивные признаки ружья, при этом каждый из элементов словосочетания *black gun* может быть поставлен в соответствие с определенным концептом: *black* – с концептом *colour* (цвет), *gun* – с концептом *gun* (ружье). Прилагательное *fake* (поддельный), будучи приложимо к существительному *gun*, приводит к модификации исходного концепта, сигнализируя о том, что денотат не относится к категории объектов, обозначенных именем существительным [5, с. 121–122]. Атрибут *fake* актуализирует другой денотат, входящий в иную категорию, что свидетельствует об усложнении концептуальной структуры, стоящей за словосочетанием *fake gun*. Известный лингвист Б. Х. Парти относит прилагательные *fake, fictitious, counterfeit* к привативным (*privative*, от латинского *privatio* – ‘лишение’), семантика которых содержит концепт «отрицание», т. е. атрибут *fake* лишает определяемый субстантив его первичного значения: *A fake gun is not a gun* (*Поддельное ружье не является ружьем*) [6, с. 153].

Выявленные зарубежными исследователями особенности атрибутивных сочетаний с *fake* свидетельствуют о том, что комбинаторика составных частей языковой формы *fake gun* не коррелирует с предложенным Г. Фреге принципом композиционной семантики, согласно которому значение языкового выражения является функцией от значений его частей и способов их синтаксического соединения [6, с. 146]. Дж. Лакофф, анализируя атрибутивно-именные сочетания типа *социальная ложь, невинная ложь*, рассуждает о составных/комплекс-

ных концептах (*complex concepts*), значение которых не может быть выведено посредством традиционной теории множеств [7, с. 73–74]. Методологию исследования смысловых закономерностей составных языковых единиц постулирует когнитивная лингвистика. Объяснение фактов языка с когнитивной точки зрения предполагает соотношение языковых форм с их когнитивными аналогами – структурами опыта, знания и оценки, с тем чтобы понять, как это знание закодировано концептами и закреплено в знаковой форме. Объяснительная сила когнитивного подхода к композиционной семантике языковой единицы позволяет понять, «как именно **взаимодействуют** (не складываются!) значения ее составляющих, и какие типы взаимодействия наблюдаются в комплексных знаках разного порядка» [8, с. 444]. Атрибутивные сочетания с *fake* при своей обманчивой простоте представляют собой сложные в смысловом плане единицы [9, с. 353].

К идее взаимодействия смыслов в комплексных (составных) знаках, в качестве которых выступают сочетания прилагательных с существительным, обращается Е. С. Кубрякова. Анализируя случаи нетривиальной семантики в сочетаемости прилагательных с существительными, исследователь выделяет атрибутивные словосочетания, отличительной особенностью которых является их связь с концептом отрицания. Отдельную подгруппу представляют сочетания фальсифицирующего типа, суть которых заключается в том, что они не столько описывают имитацию объекта, сколько его фальсификацию, подделку, т. е. нечто, связанное с нарочитым обманом (искусственная улыбка, фальшивые деньги, поддельные документы) [10, с. 153]. Фальсифицирующий тип отношений между элементами, на взгляд авторов, лежит в основе порождения новых значений и в комплексах с атрибутом *fake*.

Когнитивный подход к композиционной семантике языковых единиц позволяет трактовать словосочетание *fake gun* как результат концептуальной интеграции ментальных пространств. В терминах теории концептуальной интеграции прилагательное *fake* выполняет роль языкового маркера, который подсказывает создание ментального пространства, бленда (*prompts for a blend*) как концептуальную интеграцию реального сценария и контрфактического [9, с. 360]. Референтом реального ментального пространства является «ружье» в совокупности перцептуальных, функциональных, целеполагающих, моторно-двигательных признаков, референтом контрфактического ментального пространства является намеренно созданный артефакт, имеющий высокую степень внешнего сходства с настоящим ружьем. В результате когнитивного

взаимодействия этих двух ментальных пространств возникает новая эмерджентная структура (emergent structure) как концептуальный бленд, языковым воплощением которого является комплексный языковой знак *fake gun*, фиксирующий знание человека о фрагменте обманного мира, в котором созданные человеком артефакты используются с целью каузации ложного мнения, введения в заблуждение.

Когнитивным основанием новой концептуальной структуры является перцептуальный признак (поддельное ружье походит на настоящее), моторно-двигательный признак (с ним можно осуществлять двигательную активность), признак целеполагания (поддельным ружьем, как и настоящим, можно достичь целей устрашения). В сфере отрицания оказывается функциональный признак (поддельное ружье не может стрелять). Таким образом, номинируемый существительным объект в анализируемых комплексах оказывается членом иной категории, категории искусственно созданных артефактов, которые по существенным эмпирическим параметрам имеют высокую степень сходства с подлинным объектом. Существительные, определяемые атрибутом *fake*, становятся именем предмета, к которому уже нельзя применить существительное в его первичном значении. Таким образом, когнитивная структура атрибутивных комплексов с прилагательным *fake* содержит представление об изготовлении и (или) использовании поддельного артефакта как средства обманного действия с корыстной целью.

Для понимания когнитивных закономерностей синтагматической сочетаемости прилагательного *fake* с существительными важной представляется мысль Дж. Тейлора о том, что значение языковой единицы определяется относительно соответствующей когнитивной области, которая актуализируется в атрибутивном сочетании, и зависит от того, какая именно характеристика объекта высвечивается (профилируется). Выбор прилагательного *fake*, как отмечает Дж. Тейлор, требует активации определенного фрейма, установления когнитивного контекста как области значения, с которой связано данное слово. Так, «поддельное ружье» имеет значимость в когнитивной области захвата самолета, ограбления банка, оно не имело бы значимости во фрейме охоты сафари, поскольку бессмысленно устрашать диких зверей ружьем, которое не стреляет [11, с. 247]. Пример ниже описывает ситуацию ограбления, в которой перцептуальное сходство подделки с настоящим оружием используется в целях устрашения: *A Los Angeles man faces an attempted carjacking charge after allegedly using a fake gun to steal a real car. The victim said that when she was at her vehicle, the suspect demanded her keys and*

held what appeared to be a black handgun. Upon inspection the firearm turned out to be a pellet gun [12]. Ввод модусной интерпретирующей рамки *what appeared to be a black handgun* – то, что казалось/выглядело как огнестрельное оружие, маркирует неуверенность говорящего в идентификации воспринимаемого объекта, но тем не менее внешнего сходства поддельного пистолета с настоящим оказалось достаточно для совершения обманного действия: под угрозой, как выяснилось позже, пистолета для монтажной пены грабитель получил ключи от машины.

Бесспорную научную ценность для понимания взаимодействия смыслов в атрибутивных комплексах представляет рассуждение Дж. Тейлора о том, что сочетаемостный потенциал прилагательного *fake* обусловлен «не ингерентными свойствами определяемой сущности как таковыми, а ее ролью, значимостью, ценностью в культурном контексте» (курсив наш. – Т. С.) [11, с. 94]. Ценность понимается как значимость, важность, польза объекта, но полезность и значимость не являются свойствами самого предмета. Приписывание ценности является установлением определенного отношения между субъектом оценки и ее предметом [13]. Следовательно, объектом имитации (подделки) является ценностный потенциал сущности, которая входит в область когнитивного взаимодействия человека с миром. Так, например, словосочетание *fake antique* (поддельный антиквариат) активизирует знание о том, что существуют старинные или редкие произведения искусства, имеющие значительную культурную и материальную ценность, которая со временем возрастает. Предметы антиквариата являются объектами коллекционирования и торговли: есть люди, которые зарабатывают на покупке и продаже антиквариата. Такого рода знание формирует в нашей концептуальной системе фрейм «торговля антиквариатом». Именно в культурном контексте этого фрейма осмысливается степень риска, возможность получения высокой прибыли при продаже поддельного артефакта. Люди, покупающие подделки произведений искусства, антиквариата, предметов роскоши, зачастую не подозревают, что вводятся в заблуждение, поскольку их модель мира включает мнение о подлинности приобретаемого артефакта, в то время как модель мира обманывающего содержит знание о поддельности артефакта. Намеренное введение адресата в заблуждение категоризируется как обманное действие, «отвечающее следующим четырем условиям: а) неискреннее действие, б) которое ввело в заблуждение адресата (было воспринято им как искреннее), в) благодаря чему деятель извлек для себя пользу, г) в ущерб адресату» [14, с. 129]. Главным участником обманного действия является «агенса»,

способный творить новые миры, одним из которых является обманный мир». По отношению к такому агенту Ю. Д. Апресян вводит понятие «недобросовестный агент» [15, с. 24–25]. В ситуации продажи поддельных артефактов «недобросовестный агент», в терминах Ю. Д. Апресяна, выдавая подделку за подлинник, рассчитывает получить выгоду в ущерб адресату и, как свидетельствует языковой материал, получает ее, ср.: Today's art market commands extraordinary prices, and these prices are strong enticement for forgers to create and sell *fake paintings* to unwitting consumers *at high profits* [16]. Знание «недобросовестного агента» о неподлинной природе артефакта эксплицируется лексемой *knowingly*, ср.: Pasquale Iannetti 69, who runs Pasquale Iannetti Art Galleries Inc. is accused of *knowingly* selling seven *fake Miró prints* in amounts ranging from \$3,600 to \$17,902 [16].

По отношению к тем, кто вводится в заблуждение, употребляются номинации *unsuspecting/unwitting customers*, *unsuspecting victims* (неподозревающие покупатели, невольные жертвы), посредством которых вербализуется ментальное состояние незнания о поддельном характере артефакта и, соответственно, ментальное состояние уверенности в его подлинности, ср.: Two people arrested days before Christmas accused of selling fake high-end laptops to *unsuspecting shoppers* outside Springfield Mall 12.01.2018) [17].

Мнение/полагание покупателя о подлинности объекта может вводиться модальной рамкой *thought to be genuine/what he thought to be*, ср.: The art prospector must have thought he'd snagged a great deal when he purchased *what he thought was a 5 million Picasso pastel* for less than half of its value. But the art prospector became suspicious several years later and contacted a Picasso expert, who concluded the work was not by the hand of Pablo Picasso [15]. Развенчание видимости, неподлинности, верификация неподлинного артефакта эксплицируется в контексте указанием на то, что картина не принадлежит кисти Пикассо.

Фрейм «престижное потребление» содержит знание о том, что одежда, обувь, аксессуары люксовых брендов расцениваются как символы жизненного успеха, социального статуса, как имиджопределяющие артефакты. Однако приобретать вещи известных торговых марок могут далеко не все, а создавать видимость, кажимость успешности хотят многие. Ценностный потенциал имеет торговая марка как объект подделки, как средство каузации ложного мнения о социальном статусе лица. Противоречие между отсутствием финансовой возможности и желанием позиционировать себя на более высоком социальном уровне отражается появлением номинаций для обозначения под-

делок товаров престижных торговых марок, ср.: *fake designer stuff/fake designer goods/fake Cartier watches*. В коммуникативное пространство входят номинации для людей, осознанно покупающих подделки, ср.: *fakocholic*, *fake buyer*, *replica enthusiast*, *replica shopper*. Фейкоголики покупают не конкретную вещь, а социальный символ, моделируя тем самым в своем сознании фейковую реальность, реальность «как бы», в которой они носят *как бы* брендовые вещи, *как бы* приобщаются к ценностям престижного потребления. Фейкоголики живут в мире символического потребления и платят деньги не за вещи, а за имидж, за знаки самоидентификации.

Потребительский спрос на фейки брендов находит языковое воплощение в стремлении производителей, продавцов и потребителей подделок дефокусировать негативные коннотации обманного действия, заложенные в семантике лексемы *fake*. В языке отложилось, по меткому замечанию Н. Д. Арутюновой «лукавство человека», его намерение скрыть, завуалировать истинностную оценку, или «прикрыть ее лицо маской правдоподобия» [1, с. 545–546]. Языковым способом маскировки брендовых подделок являются эвфемистические номинации, которые затушевывают негативную истинностную оценку поддельности, профилируют внешнее сходство с оригиналом, ср.: *copy/first copy sunglasses of premium brands/premium copy brands/luxury replica watch/duplicate watch/high-quality replicas/better quality duplicate/the best quality replica/the best imitation bags/a YSL wallet imitation/best imitation online shop/high-end replica bags/lookalike piece/knock-off* [17] – реплика, копии, дубликат, имитации брендовой одежды, копии брендов премиум-класса, люксовые фейки. В семантике слов *copy*, *replica*, *imitation*, *lookalike piece*, *knock-off*, *duplicate* профилируется признак внешнего сходства, а признак каузации ложного мнения отсутствует, что приводит к формированию в языковом сознании модели мира, в которой степень сходства копии, реплики, дубликата «как бы» свидетельствует о степени истинности, подлинности товара. Языковым средством каузации ложного мнения о якобы высоком качестве поддельных брендов служат градуированные оценки *the best fake handbags*, *better copy*, *the best copy*, *better quality duplicate*, оценочные слова *luxury*, *premium*, *high-end*, *high grade imitation* (*handbags/watches/footwear*). В результате манипулятивного использования ресурсов языка, под прикрытием эвфемистических номинаций, дефокусировки негативных коннотаций фейковые товары переходят из категории явлений ненормативных, нарушающих интеллектуальную собственность, в категорию «как бы брендов» в моделируемой сознанием фейковой реальности.

Выше было отмечено, что в семантику прилагательного *fake* входит когнитивный признак 'нарушение закона'. Использование, продажа поддельных артефактов нарушают правовую норму. Так, фрейм «документы» активизирует знание о функциональной ценности документа в разного рода ситуациях социального взаимодействия, и именно ценностный потенциал данного артефакта оказывается объектом подделки. Вербализованный смысл обманного действия представлен словосочетаниями *fake passport/visa/driving license/marriage certificate/wedding certificate/Ph degree/banknotes*. Языковыми знаками медицинских фейков являются словосочетания *fake rabies vaccine/immune globulin/medicines/drug production/cancer drugs*. В концептуальную структуру таких единиц входит концепт «отрицание», в сфере действия которого оказываются когнитивные признаки, релевантные для подлинных сущностей (функция документа; эффективность, безопасность лекарственного средства). Нарушение правовой нормы является уголовно наказуемым, ср.: *An Oregon man is accused of using a fake Great Britain passport with the identity of a baby that died over 50 years ago* [17].

Феномен фейковизации имеет языковую актуализацию и во фрейме «наука», о чем свидетельствуют языковые выражения *faked peer reviews/fake science journals/data/science news/research/faked research results*. Объектом подделок в этой когнитивной области оказывается достоверность научного знания. Интегрированное значение атрибутивных словосочетаний с *fake*, входящих во фрейм «наука», содержит отрицательную истинностную оценку, которая сопровождается этической оценкой. Нарушение кодекса научной этики не предусматривает правовых санкций, однако влечет за собой потерю научной репутации, разрыв научных контактов.

Оппозиция подлинного и мнимого, закрепленная в языковой картине мира, находит отражение и в репрезентации поведенческих аспектов. В социальном мире имеют место свои ценностные приоритеты и нормы поведения, одной из которых является принцип искреннего поведения. Совмещение истинностной и этической оценки является когнитивно значимым признаком в ситуации неискреннего поведения. Прилагательное *fake* приложимо к именам эмоциональных состояний, личностных свойств *fake emotions/politeness/joy/gentleness*, именам их действенных проявлений *fake smile/voice/laughter/tears/cough*. Смех, улыбка, слезы, голосовые модуляции являются внешними признаками эмоциональных состояний, которые поддаются симуляции. Обманчивое поведение служит для создания ложного впечатления, введения в заблуждение, манипуляции впечатлением как на уровне

межличностного взаимодействия, так и в социальном контексте. В примерах ниже описываются притворные улыбки, неискренность которых выдают глаза, поскольку, как отмечают психологи [18], выражение глаз не поддается контролю, ср.: *Ned was smiling a fake photographic smile, but his eyes didn't smile* [19]. Голосовые модуляции также могут выдавать неискренние эмоции, ср.: *It seems the only way to solve this is to ask the lady herself, he thrilled in a fake happy voice* [19]. Интерпретация неискренного поведения, действий, поступков носит оценочный характер порицаемого поведения. Атрибут *fake* активизирует когнитивный признак «неискренность» в структуре знания, стоящей за языковой формой атрибутивных комплексов, вербализующих ситуации поведения.

Этимологически заложенная в лексеме *fake* идея обманного действия профилируется в атрибутивных сочетаниях, сферой приложения которых является медиaprостранство. Неотъемлемой частью современного медиaprостранства является словосочетание *fake news*, употребление которого во время президентской кампании в США выросло в мировых средствах массовой информации на 365 % [20], что свидетельствует о его значимости, актуальности и востребованности в контексте общественно-политических событий. По версии словаря Collins, словосочетание *fake news* признано словом года (Word of the Year 2017), смысл словосочетания определяется как «информация политического характера, негативно влияющая на репутацию политической структуры, сущности, политического лица» [20]. Ценность информации определяет соотношение ее достоверности и актуальности. Концептуальное единство *fake news* представляет собой еще один интегрированный концепт-бленд фальсифицирующего типа, который характеризуется семантическими приращениями, среди которых помимо несоответствия действительности профилируется намерение нанести урон репутации, дискредитировать политическую фигуру, политическую структуру и, что важно, оказать влияние на принятие политического или экономического решения. Не случайно президент США Дональд Трамп уже в январе 2017 г. отнес к категории фейковых новостей сообщения канала CNN, описывающие его деятельность в новом статусе. Концептуальный бленд *fake news* моделирует особый тип каузативной ситуации, в которой каузируемым событием является то или иное мнение адресата о положении дел в действительности. Следует отметить, что несоответствующие действительности информационные сообщения всегда присутствовали в массмедийном пространстве, однако средством их номинации служило словосочетание *false news*, в семантике которого профилируется кон-

цепт «неправда» и не профилируется манипулятивное воздействие на модель мира адресата.

Усложнение современной жизни, развитие потребностей общества отражаются в продуктивности атрибутивно-номинативных словосочетаний с *fake*. Как свидетельствует языковой материал, дальнейшее развитие семантического потенциала прилагательного *fake* происходит за счет актуализации ценностного потенциала предметных сущностей, имитация которых создает определенную декоративную ценность, например, в создании интерьера, ср.: *Fake Christmas trees can be a win for the environment, too, if you keep yours for a while* [17]; *If you are worried Santa won't be able to deliver his presents because your house has no fireplace, problem solved! Make a DIY Fake Fireplace* [17]. В дискурсивном пространстве функционируют так называемые архитектурные, ландшафтные фейки, ср.: *On top of the hill, dominating the town, was the huge fake castle of the hotel* [21]; *We also encountered a fake Transylvanian castle close by and ended up at the Heroe's square in Budapest* [17]. Тауэрский мост теперь размещается в округе Сучжоу, а не только в Лондоне, ср.: *Spectacular video has emerged of the China fake Tower Bridge having four turrets, which is double the size than the original one in London* [17].

Прилагательное *fake* в такого рода словосочетаниях семантически пересекается с той долей значения существительного, которая относится к имитационной природе, высвечивая значение 'искусст-

венно созданный, имеющий высокую степень сходства с настоящим, имеющий декоративную ценность'. Как свидетельствует дискурсивная реализация прилагательного *fake*, оно используется для актуализации прагматической, утилитарной ценности предмета, которая в определенных ситуациях расценивается как некоторое благо, как полезная, отвечающая цели использования вещь. Смена оценочного знака обусловлена профилированием утилитарной оценки, при этом значение обманного действия не наследуется.

Итак, когнитивный подход к композиционной семантике атрибутивно-номинативных сочетаний с прилагательным *fake* позволил выявить закономерности взаимодействия смыслов, результатом которого является формирование интегрированной концептуальной структуры как конвенциональной языковой формы, в которой закреплено знание о том, что существуют подлинные объекты и разные способы их воспроизведения и что цели имитации объектов могут варьироваться от корыстных, обманных целей, преследующих получение выгоды путем введения в заблуждение, до прагматических, утилитарных, эстетических, декоративных. Проведенный анализ словосочетаний с когнитивной точки зрения свидетельствует о том, что их осмысление производится человеком исходя из его ценностной картины мира. Обращение к закономерностям композиционной семантики помогает объяснить феномен предсказуемости значения комплексного знака.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. 1680 p.
3. Cambridge International Dictionary of Current English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 1773 p.
4. Etymological Dictionary of the English Language in Walter. W. Sheat (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1910. 536 с.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
6. Partee B. H. Compositionality and coercion in semantics: The Dynamics of adjective meaning // *Cognitive Foundations of Interpretation*. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2007. P. 145–161.
7. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
9. Fauconnier G., Turner, M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York, 2002. 440 p.
10. Кубрякова Е. С. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 148–153.
11. Taylor J. R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1995. 309 p.
12. News 24. URL: <https://www.news24.com/World/News/man-accused-of-using-fake-british-passport-for-20-years-20170801> (дата обращения: 24.01.2017).
13. Ивин А. А. Аксиология. М.: Высшая школа, 2006. 390 с.
14. Кошелев А. Д. К описанию универсального концепта 'Обман-Обмануть' // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией* / сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 118–133.
15. Апресян Ю. Д. От истины до лжи по пространству языка // *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 23–45.
16. SFGATE. URL: <http://www.sfgate.com/crime/article/S-F-dealer-accused-of-selling-fake-Mir-prints-3289340.php> (дата обращения: 27.12.2017).

17. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 27.12.2017).
18. Ekman P. Unmasking the Face. A Guide to Recognizing Emotions from the Facial Clues. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1975. 212 p.
19. Rendell R. Death Notes. New York: Bullantine Books, 1989. 218 p.
20. Collins' Word of the Year. URL: <https://www.collinsdictionary.com/woty> (дата обращения: 13.11.2017).
21. Shaw I. Nightwork. СПб.: Антология: КАРО, 2005. 448 с.

Семенова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор, Иркутский государственный университет (ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025). E-mail: tisemenova54@mail.ru

Материал поступил в редакцию 01.03.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-20-27

COMPOSITIONALITY OF ADJECTIVE-NOUN EXPRESSIONS WITH THE MODIFIER *FAKE*: COGNITIVE ASPECTS

T. I. Semenova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

The paper discusses the compositional semantics of adjective-noun combinations like *fake gun*. Compositionality appears to be one of the most cognitively basic principles guiding semantic research. This study argues the claim of formal semantics that the meaning of an expression is a function of the meanings of its parts and of the way they are syntactically combined. The article adduces support for the claim that the meaning of the whole cannot be predicted from the meanings of the parts and the way they are put together. The investigation makes an attempt to find the relations between formally integrated linguistic structure and conceptually integrated structures. The adjective *fake* is seen as privative for which an instance of the adjective + noun combination is never an instance of the noun alone. Complexes with *fake* entail the negation of the noun modified by *fake*. The paper accounts for the meaning of adjective-noun combinations in terms of conceptual integration. Within the framework of mental spaces theory the adjective *fake* prompts for a specific complex mapping scheme and emerges a novel conceptual blend. In terms of conceptual blending the adjective *fake* calls for two input spaces with a disanalogy connector such that an element in one place is real, but in the other is not. The article highlights combinatorial possibilities of *fake*. Of particular concern is the issue that the appropriate use of *fake* requires the activation of an appropriate frame.

Key words: *compositionality, adjective meaning, lexical semantics, emergent structure, blend, mental spaces, cognitive domain, complex concept.*

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a person]. 2nd ed., Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
2. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. 1680 p.
3. *Cambridge International Dictionary of Current English*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1995. 1773 p.
4. *Etymological Dictionary of the English Language in Walter*. W. Sheat (ed.). Oxford, Clarendon Press, 1910. 536 p.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
6. Partee B. H. Compositionality and coercion in semantics: The Dynamics of adjective meaning. *Cognitive Foundations of Interpretation*. Amsterdam, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2007. Pp. 145–161.
7. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago and London, The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
8. Kubryakova Ye. S. *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochkoy zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way of getting knowledge of a language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of a language in the knowledge of the world], Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura) [(Language, Semiotics, Culture)] (in Russian).
9. Fauconnier G., Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York, 2002. 440 p.
10. Kubryakova Ye. S. O netrivial'noy semantike v sochetayemosti prilagatel'nykh s sushchestvitel'nyimi [On non-trivial semantics in the compatibility of adjectives with nouns]. *Sokrovennyye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Hidden Meaning: Word. Text. Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2004. Pp. 148–153 (in Russian).
11. Taylor J. R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford, Clarendon Press, 1995. 309 p.
12. *News 24*. URL: <https://www.news24.com/World/News/man-accused-of-using-fake-british-passport-for-20-years-20170801> (accessed 24 January 2017).

13. Ivin A. A. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006. 390 p. (in Russian).
14. Koshelev A. D. K opisaniyu universal'nogo kontsepta 'Obman – Obmanut' [To the description of the universal concept "Deceit – Deceive"]. *Logicheskii analiz yazyka. Mezhdue lozh'yu i fantaziiyey*. Sost. N. D. Arutyunova [Logical analysis of the language. Between lies and fantasy. Compiler N. D. Arutyunova]. Moscow, Indrik Publ., 2008. Pp. 118–133 (in Russian).
15. Apresyan Yu. D. Ot istiny do lzhi po prostranstvu yazyka [From truth to falsehood in the space of a language]. *Logicheskii analiz yazyka. Mezhdue lozh'yu i fantaziiyey*. Sost. N. D. Arutyunova [Logical analysis of the language. Between lies and fantasy. Compiler N. D. Arutyunova]. Moscow, Indrik Publ., 2008. Pp. 23–45 (in Russian).
16. SFGATE. URL: <http://www.sfgate.com/crime/article/S-F-dealer-accused-of-selling-fake-Mir-prints-3289340.php> (accessed 27 December 2017).
17. *British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (accessed 27 December 2017).
18. Ekman P. *Unmasking the Face. A Guide to Recognizing Emotions from the Facial Clues*. New Jersey, Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1975. 212 p.
19. Rendell R. *Death Notes*. New York, Bullantone Books, 1989. 218 p.
20. *Collins' Word of the Year*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/woty> (accessed 13 November 2017).
21. Shaw I. *Nightwork*. Saint Petersburg, Antologiya: KARO Publ., 2005. 448 p.

Semenova T. I., Irkutsk State University (ul. Lenina, 8, Irkutsk, Russian Federation, 664025).
E-mail: tisemenova54@mail.ru